

КАК БРИКС (И БРИКС+) МОГУТ ОТВЕТИТЬ НА ТРЕБОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ И КАКОВЫ МОГУТ БЫТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ?

Жак САПИР
Директор по исследованиям (экономика)
Высшей школы социальных наук
Профессор Школы экономической
войны (Париж) — директор SEMI-CR451
Иностраннный член Российской академии наук
Эл. почта: sapir@msh-paris.fr

Почти 15 лет назад 16 июня 2009 года в Екатеринбурге состоялся первый официальный саммит группы БРИК. На этом саммите присутствовали Луис Инасиу Лула да Силва от Бразилии, Дмитрий Медведев от России, Манмохан Сингх от Индии и Ху Цзиньтао от Китая. Мало кто понимал, что это событие станет поворотным в истории. В центре внимания саммита было улучшение глобального экономического управления¹, реформирование финансовых учреждений – напомним, что мы тогда находились в разгаре глобальной финансовой катастрофы, «кризиса субстандартного кредитования» и стремились улучшить процесс сотрудничества между 4 странами.

16-й саммит пройдет в октябре этого года в России. Соберутся десять участников и еще много кандидатов. Это доказательство того, что объединение БРИК, ставшее в 2011 году БРИКС, а затем БРИКС+ с 1 января этого года, стало крупным игроком в мировой экономике. Но такой игрок является коллективным и собирает вокруг себя большое количество стран, объединенных недовольством тем, как управляются международные институты, еще со времен Бреттон-Вудса или холодной войны. Может ли БРИКС+ ответить на эти требования и выработать улучшенный или даже совершенно новый свод правил? И, что еще более важно, как

¹ Петропулос, С. (2013 г.). «Появление БРИКС — значение для глобального управления». *«Journal of International and Global Studies»* («Журнал международных и глобальных исследований»), 4(2), стр. 37–51.

международные институты могут и будут изменены под влиянием или в силу прямого воздействия БРИКС+?

Усиление влияния БРИКС

Прошло два десятилетия с тех пор, как аббревиатура БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай — была введена в наш разговорный язык Джимом О’Нилом, экономистом из «Goldman Sachs». В его авторитетной статье, озаглавленной «Построение более эффективной глобальной экономики БРИК»², проанализирован впечатляющий экономический рост, который предстояло пережить этой группе стран, а также последствия этих будущих тенденций для международных экономических отношений. Встреча 2009 года фактически стала завершением процесса, начавшегося в 2006 году одновременно с Генеральной Ассамблеей ООН. В течение этих судьбоносных трех лет мир столкнулся с серьезным финансовым кризисом, с которым не могли справиться и который даже не могли контролировать ни США, ни МВФ³. Оглядываясь назад, становится ясно, что это вызвало желание четырех стран попытаться организовать более совершенную систему управления⁴. В 2011 году Южная Африка присоединилась к этой группе стран в качестве экономического лидера на Глобальном Юге, развивающейся экономики и молодой демократии, что превратило БРИК в БРИКС, где буква «С» теперь обозначает нового члена.

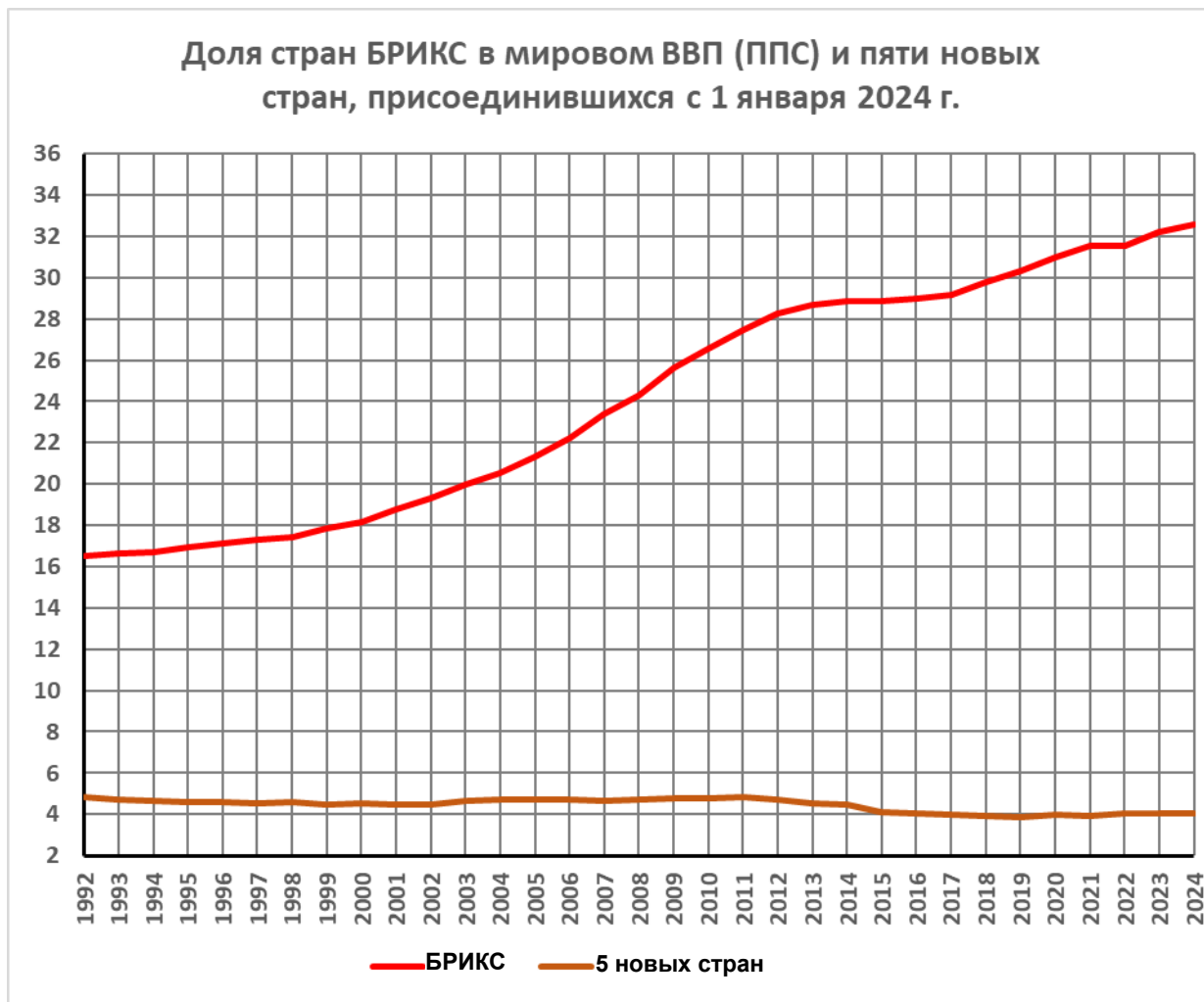
С учетом этого на долю стран БРИКС приходится 26 % мировой территории, а общий мировой ВВП (по ППС) вырос с 25,6 % в 2009 году до 32,2 % к концу 2023 года.

² О’Нил, Дж. (2001 г.), «Построение более эффективной глобальной экономики БРИКС». «*Global Economics Paper Series*» («Серия статей по глобальной экономике») (№ 66), <https://www.goldmansachs.com/insights/archive/building-better.html>

³ Сапир Дж., «От финансового кризиса к поворотному моменту. Как «кризис субстандартного кредитования» в США привел к образованию глобальной единой меняющейся мировой экономики», в «*Internationale Politik und Gesellschaft*» («Международная политика и общество»), № 1/2009, стр. 27–44.

⁴ Найяр, Д. (2016 г.), «БРИКС, развивающиеся страны и глобальное управление», «*Third World Quarterly*» (Ежеквартальный обзор по странам «Третьего мира»), 37(4), стр. 575–591.

Рисунок 1

Источник: МВФ

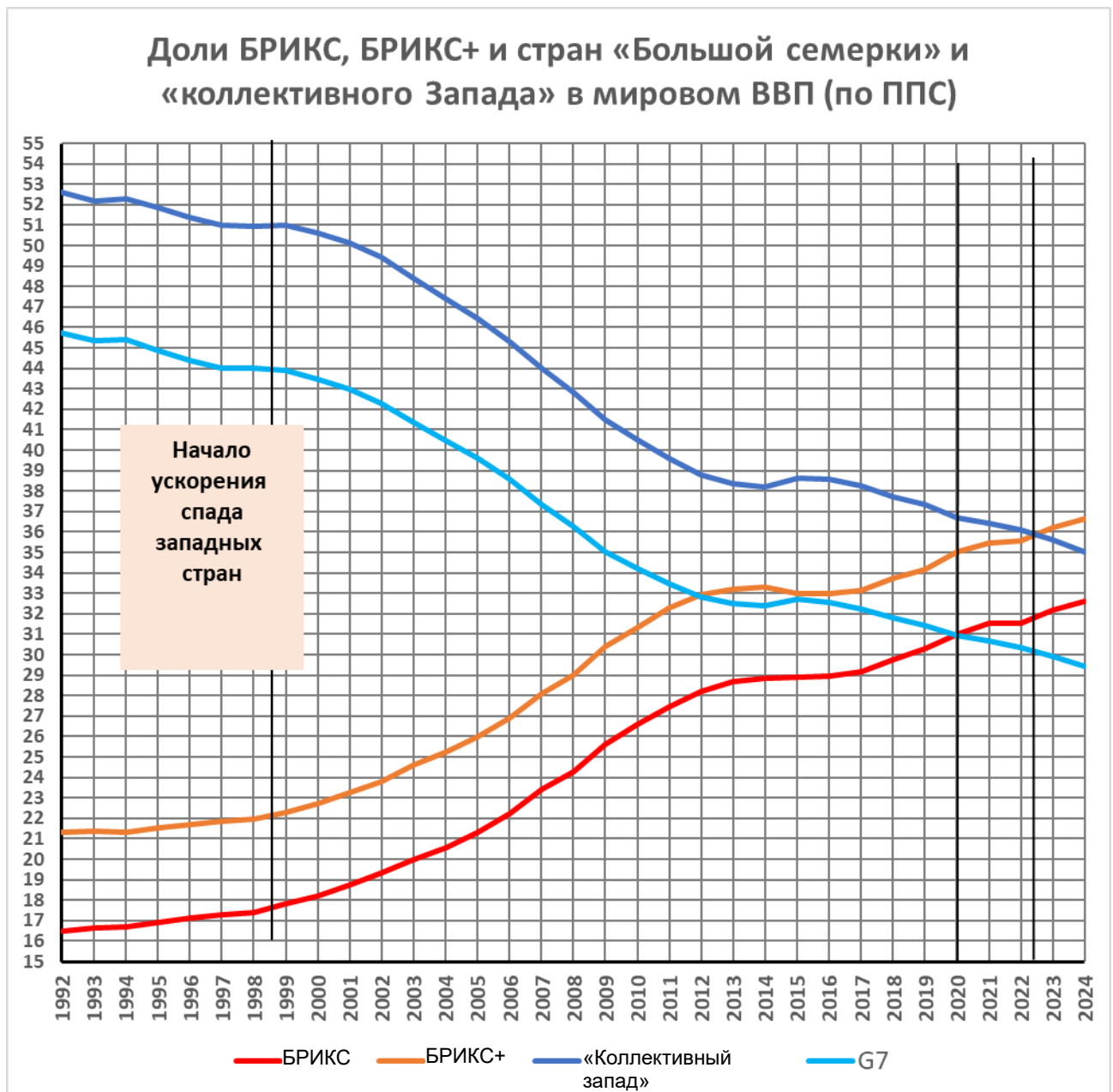
Хотя скептики и осторожные энтузиасты по-разному описывали БРИКС как своего рода «свободное объединение», «потёмкинскую деревню»⁵ или «клуб совпадений»⁶, влияние этой группы значительно выросло. В него, несомненно, вошли страны с общими экономическими устремлениями и схожими идеями относительно типа многосторонности и сдвигов в глобальной политической экономике, которые потребуются для их достижения. Именно эти основополагающие экономические устремления послужили активизации потоков капитала внутри стран БРИКС и между ними в условиях финансового вакуума в мире после финансового кризиса.

⁵ Померанц, В. (2013 г.) «Почему России нужен БРИКС» в *Global Public Square*, <https://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics>

⁶ Саран, С. (2015 г.), «Современный плюрализм Индии», В работе Д. Э. Мэлоун, Ч. Р. Мохан и С. Рагхаван (ред.), «Оксфордский справочник по внешней политике Индии», Оксфорд, Издательство Оксфордского университета.

Фактически БРИКС расширился, привлекая все больше и больше стран. В 2023 году на 15-м саммите организация решила принять в свой состав 6 новых стран. Даже несмотря на то, что только пять из них приняли приглашение (Аргентина отклонила приглашение по политическим причинам), к 1 января 2024 года БРИКС превратился в БРИКС+ с общим ВВП (по ППС) 36,2 %. Объединение БРИКС стало равным «Большой семерке», а БРИКС+ сократило разрыв с «коллективным Западом».

Рисунок 2

Источник: МВФ

В последующий период стало ясно, что «глобализация» находилась в глубоком кризисе⁷. БРИКС стал амбициозным блоком со своей внутренней динамикой: организация проводила ежегодные саммиты, демонстрировала дипломатические амбиции, брала на себя обязательства по крупномасштабным инфраструктурным проектам в своих национальных границах, а также транснациональным проектам в своих регионах. Они продемонстрировали свою экономическую силу, создав новое кредитное учреждение — Новый банк развития, который принял с собой состав страны, еще не входящие в БРИКС⁸ — и бросив вызов гегемонии стран Европы и Северной Америки в сфере международных финансов. Именно эти основополагающие экономические устремления послужили активизации потоков капитала внутри стран БРИКС и между ними в условиях финансового вакуума в мире после финансового кризиса. В 2017 году, почти через десять лет после финансового кризиса 2008 года, на долю стран БРИКС пришлось 19 % мирового притока инвестиций⁹. Большая часть этих финансовых потоков была направлена на капиталоемкие инфраструктурные проекты.

Однако, начиная с 1990-х годов эти страны претерпевали драматические изменения в своей политико-экономической структуре. Общим знаменателем разнородного опыта экономического развития этих стран в их движении к положению лидеров в данной области было то, насколько активно государство осуществляло политическое вмешательство для мобилизации ресурсов, определения торговых политик, государственных закупок, стимулирования общественного спроса и

⁷ «Кризис глобализации: Новый контекст и вызовы для национальных экономик» в работе А.С. Запесоцкого (ред.), «Современные глобальные вызовы и национальные интересы — 15-я Международная научная конференция им. Д.С. Лихачева», Санкт-Петербург, 2015 г., стр. 142–145.

⁸ Новый банк развития (НБР). (2021 г.), «НБР принимает Египет в качестве нового члена», *Пресс-релиз от 29 декабря 2021 г.*, https://www.ndb.int/press_release/ndb-admits-egypt-as-new-member

⁹ Гарсия А. и Бонд П. (2019 г.). Усиление противоречий: Центробежный БРИКС «*Social Register*» («Социальный регистр»), 55, стр. 223–246.

предоставления финансовой поддержки¹⁰. Роль государства по развитию принимала различные формы в странах БРИКС.

Является ли БРИКС+ на самом деле силой, которая может противостоять доминированию Запада в глобальном управлении?

Появление БРИКС в качестве силы, альтернативной Западу, вызвало дискуссию среди участников международных экономических отношений относительно природы усиления влияния группы в плане глобального управления. Нет сомнений в том, что данный процесс зародился в период с 2011 по 2021 гг.¹¹ и был усилен сначала кризисом COVID-19, а затем геополитическими событиями, начавшимися с февраля 2022 года. Однако проблемы, приведшие к этой ситуации, явно предшествовали этому кризису¹².

Место БРИКС в глобальном управлении послужило толчком к инициированию двух важных групп исследований. В одном из них обсуждается роль БРИКС в преобразовании мирового порядка¹³ и утверждается, что благодаря взаимодействию члены БРИКС создали слои коллективной идентичности как развивающиеся державы¹⁴, а также исследуется, как эта идентичность влияет на роль БРИКС в глобальном

¹⁰ Сантьяго, Ф. (2020 г.), «Роль промышленной политики в процессе экономической интеграции БРИКС», «Серия рабочих документов по инклюзивному и устойчивому развитию» (№ 1), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию, Отдел исследований, статистики и промышленной политики, источник: <https://www.unido.org/api/opentext/documents/download/16531301/unido-file-16531301>

¹¹ Сапир Дж., «Деглобализация», (новое издание, в обновленном формате) Париж, Le Seuil, 2021 г.

¹² Сапир Дж., «Конец цикла глобализации и новые экономические вызовы», в «*La Revue Internationale et Strategique*» («Международный и стратегический обзор»), № 72 (Hiver 2008/09), стр. 92–107.

¹³ Ван Ноорт С. (2019 г.), «Построение власти в стратегических национальных идеях БРИКС» в «*Global Society*» («Глобальное сообщество») 33(4), стр. 462–478.

¹⁴ Ларионова М., Шелепов А. (2021 г.), «БРИКС, «Большая двадцатка» и реформа глобального экономического управления» в «*International Political Science Review*» («Международный обзор политической науки»), Том 43, (4) <https://doi.org/10.1177/01925121211048297> и Такур Р. (2014 г.) «Насколько репрезентативен БРИКС?» в «*Third World Quarterly*» («Ежеквартальный обзор по странам Третьего мира») 35(10): 1791–1808.

управлении¹⁵. Важным моментом является понимание того, почему создание «Большой двадцатки» не помешало развитию БРИКС¹⁶. В этой группе исследований можно обнаружить, что страны БРИКС сейчас действуют на международном уровне в рамках системы, основанной на правилах, то есть глобального управления, при этом государства стремятся достичь коллективных действий посредством общего понимания свода правил, понимания, которое не обязательно разделяется западными странами¹⁷. Вместо того, чтобы сосредоточиться на том, какие государства являются доминирующими странами в международной иерархии или на международной динамике, которая стимулирует рост влияния отдельных государств, эта группа исследований основное внимание уделяет тому, как страны БРИКС постепенно меняют правила и нормы системы¹⁸. Большая часть литературы посвящена тому, как усиление влияния БРИКС бросает вызов доминирующей западной концепции международных организаций.

Но есть и вторая группа ученых, которая исследовала роль БРИКС в глобальном управлении. Обычно они рассматривают их восхождение как прямой вызов нынешнему международному порядку. Эта группа фокусирует внимание на внутренних источниках предпочтений стран БРИКС в отношении глобального управления, что позволяет оценить неоднородность и различия между странами БРИКС. Очевидно, что страны БРИКС продвигают свои общие интересы, такие как усиление возможностей диктовать свои условия на многостороннем уровне или обеспечение доступа к международным рынкам¹⁹. Однако, что наиболее

¹⁵ Мельничук Ф. (2013 г.), «БРИКС в современном мире: изменение идентичностей, сближение интересов» в *«Third World Quarterly»* («Ежеквартальный обзор по странам «Третьего мира») 34(6), стр. 1075–1090.

¹⁶ Ширм С.А. (2013 г.), «Глобальная политика — это внутренняя политика: социальный подход к расхождению в «Большой двадцатке», в *«Review of International Studies»* («Обзор международных исследований») 39(3), стр. 685–706.

¹⁷ Лакхерст Дж. (2018 г.) «*Меняющаяся глобальная экономическая архитектура*». «Децентрализация власти в современном глобальном управлении», Нью-Йорк, штат Нью-Йорк: Пэлгрейв Макмиллан.

¹⁸ Киртон Джон (2015 г.), «Объяснение солидного и устойчивого успеха саммита БРИКС» в *«International Organizations Research Journal»* («Журнал исследований международных организаций») 10(2), стр. 1–29.

¹⁹ Хоупвелл К. (2017 г.), «БРИКС — всего лишь басня? «Новые энергетические альянсы в управлении глобальной торговлей», в *«International Affairs»* («Международные дела») 93(6), стр. 1377–1396.

важно, они продвигают концепцию многополярного мирового порядка, и они могли бы добиться этого, если принять во внимание их экономический вес²⁰, а затем начать противостояние и, прямо или косвенно, противодействовать попыткам правительства США и «коллективного Запада» устанавливать правила и определить, каким должно быть глобальное управление²¹. Если мы согласны с этой второй группой ученых, то тогда мы должны подчеркнуть автономию каждой страны БРИКС в разработке коалиционного поведения и последовательной стратегии²². Однако подход к БРИКС, основанный на предпочтениях стран, не в полной мере обеспечивает понимание БРИКС как группы, если ограничиваться формальными рамками, предлагаемыми членством. И, совершенно очевидно, возникает вопрос об измерении размера полномочий международных организаций, будь то западных или стран БРИКС²³. Тем не менее, реальная способность БРИКС изменять международные институты остается под вопросом²⁴.

Недовольство нынешними международными институтами совершенно очевидно²⁵. Даже Всемирный банк не избегает критики²⁶.

²⁰ Ноэльке А., Бринк Т., Клар С., Мэй С. (2015 г.), «Внутренние структуры, внешнеэкономическая политика и глобальный экономический порядок: последствия подъема крупных развивающихся экономик» в «*European Journal of International Relations*» («Европейский журнал международных отношений») 21(3), стр. 1–30 и Стивен М. (2014 г.), «Растущие державы, глобальный капитализм и либеральное глобальное управление: исторический материалистический взгляд на вызовы БРИК» в «*European Journal of International Relations*» («Европейский журнал международных отношений») 20(4), стр. 912–938.

²¹ Лавенекс С., Кризик Х., Серрано О. (2017 г.), «Регулирующие полномочия ЕС и США не выдерживают напряжения? Развивающиеся страны и пределы внешнего управления» в «*European Foreign Affairs Review*» («Обзор европейских иностранных дел») 22, стр. 1–17 и Стивен М. (2017 г.), «Новые державы и новые тенденции в глобальном управлении» в «*Global Governance*» («Глобальное управление») 23(3), стр. 483–502.

²² Янг Сяо А. (2019 г.), «Теоретизирование БРИКС» в Xing Lin (ред.) «*Международная политическая экономия БРИКС*», Абингдон: Routledge, стр. 37–56.

²³ Хельдт Э., Шмидтке Х. (2017 г.), «Измерение расширения прав и возможностей международных организаций: эволюция финансовых и кадровых возможностей» в «*Global Policy*» («Глобальная политика») 8, стр. 51–61.

²⁴ Хооймаайерс Б. (2019 г.), «Китай, БРИКС и ограничения изменения глобального экономического управления» в «*Pacific Review*» («Обзор стран Тихоокеанского региона») 34(1), стр. 29–55.

²⁵ Харриган Дж., Ван С., Эль-Саид Х. (2006 г.), «Экономические и политические факторы, определяющие кредитование МВФ и Всемирного банка на Ближнем Востоке и в Северной Африке» в «*World Development*» («Мировое развитие») 34(2), стр. 247–270.

Смещение в сторону интересов Запада в Бреттон-Вудских учреждениях по-прежнему очевиден и вызывает гнев стран глобального Юга²⁷. Долгая история плохо продуманных интервенций и деструктивных условий с конца 1970-х по 2000-е годы слишком очевидна в странах глобального Юга, чтобы позволить им безоговорочно принять доминирование этих институтов. Даже некоторые региональные институты, такие как Межамериканский банк развития²⁸, из-за влияния на них США, вызывают подозрение у развивающихся стран.

Очевидно, что во главу угла ставится замена Вашингтонского консенсуса²⁹ и пост-Вашингтонского консенсуса относительно развития стран с формирующимся рынком.

Каковы будут результаты работы БРИКС?

В конце концов, первая группа цитируемых здесь ученых слишком много внимания уделяет самой игре и не принимает во внимание возможность радикальных перемен в силу коллективных действий БРИКС. В то же время вторая группа, вероятно, слишком большое внимание уделяет позициям государств в игре и тем областям игры, где они увеличили свое влияние. Однако, очевидно отсутствует представление о будущей ситуации. Фактически, концепция «изменения игры» не рассматривалась ни одной из групп.

²⁶ Хамфри С. (2014 г.), «Политика ценообразования по кредитам в многосторонних банках развития» в «*Review of International Political Economy*» («Обзор международной политической экономики») 21(3), стр. 611–639.

²⁷ Хамфри С. (2015 г.) «*Революция развития или возвращение к Бреттон-Вудсу?*» Перспективы Нового банка развития БРИКС и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Рабочий доклад Института развития зарубежных стран. <https://cdn.odi.org/media/documents/9615.pdf>

²⁸ См. Межамериканский банк развития (2010 г.) *Отчет о девятом общем увеличении ресурсов Межамериканского банка развития*. Вашингтон, округ Колумбия: Совет управляющих и Межамериканский банк развития (2020 г.) Уставный капитал и право голоса. <https://www.iadb.org/en/about-us/capital-stock-and-voting-power>

²⁹ Сапир Дж., «Вашингтонский консенсус и переходный период в России: история неудач», в «*Revue Internationale de Sciences Sociales*» («Международный журнал социальных наук»), № 166, декабрь, стр. 541–553.

Эта ситуация очевидно оставляет пробел в анализе. Если БРИКС действительно бросит вызов доминирующим правилам и нормам в международных организациях, и мы наблюдаем эволюцию в этом направлении, это должно привести к фундаментальному изменению правил и норм, лежащих в основе игры. Может ли это изменение быть принято «коллективным Западом» — это уже другая история, и очень важная, чтобы о ней рассказать. Все еще неясно, сможет ли БРИКС, а теперь и БРИКС+, склонить на свою сторону достаточное количество стран, чтобы обладать таким большинством стран, что у «коллективного Запада» не будет другого выбора, кроме как согласиться с этими изменениями.

Если БРИКС пытается изменить саму игру, БРИКС как группа глобального управления должна бороться за культурную гегемонию в этих вопросах. Им также следует запускать явные инновации — либо через реструктуризацию правил и норм существующих международных организаций, либо через создание новых международных организаций, чьи правила и нормы отражают общие интересы стран БРИКС. Чтобы заполнить этот пробел в исследованиях, необходим новый подход к структурной власти.

Можно задаться вопросом, останется ли БРИКС защищенным пространством, где новая доминирующая страна сможет безопасно расти.

Совершенно очевидно, что обеспечение регионального лидерства и повышение глобального авторитета являются важнейшими аспектами усиления влияния БРИКС. Однако в развитии БРИКС также может возникнуть императив взаимной осторожности. БРИКС можно рассматривать как группу, которая не позволяет любому члену этой группы стать доминирующей страной³⁰. И это вполне понятно. Странам,

³⁰ Бисон М., Цзэн Дж. (2018 г.), «БРИКС и глобальное управление: Противоречивая роль Китая» в *«Third World Quarterly»* («Ежеквартальный обзор по странам «Третьего мира») 39(10), стр. 1962–1978.

недовольным единоличным доминированием США, следует опасаться замены их правил правилами другого отдельного государства. В некоторой степени мы можем сказать, что БРИКС потенциально является «голлистской» организацией в своем подходе, поскольку они противостоят «гегемонии» одной страны, как при покойном генерале де Голле в 1960-х годах. Но то, что раньше было проектом единственной страны, Франции, переходящей из статуса «великой державы» в статус средней державы, теперь достигается альянсом стран.

Придем ли мы к тому, что набор глобальных институтов эволюционирует от западного доминирования к более сбалансированной системе, где страны «глобального Юга» смогут добиться признания своих голосов и интересов, или же к полной замене западного набора институтов новым, происходящим от БРИКС, или же получим два набора неглобальных институтов с радикальным разделением на два блока?³¹

³¹ Дагган Н., Хооймаайерс Б., Ревизорски М., Арапова Е.Ю. (2021 г.), «Незаконченное дело: БРИКС, глобальное управление и проблемы сотрудничества Юг-Юг в постзападном мире» в «*International Political Science Review*» («Международный обзор политической науки»), декабрь 2021 г., [International Political Science Review](#) 43(2).